

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО
ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В. М. Кириллин

СКАЗАНИЕ О ТИХВИНСКОЙ
ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ
«ОДИГИТРИЯ»

Литературная история
памятника до XVII века

•

Его содержательная специфика
в связи с культурой эпохи

•

Тексты

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2007

ББК 83.3(2Рос=Рус)3-001.3
К 43

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 06-04-16219

Рецензенты:

главный редактор журнала «Древняя Русь: Вопросы медиевистики»,
док. филол. наук *Е. Л. Коняевская*
и старший научный сотрудник ИМЛИ им. А. М. Горького,
канд. филол. наук *О. В. Гладкова*

Кириллин В. М.

К 43 Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». —
М.: Языки славянских культур, 2007. — 312 с. — (Studia
philologica). (*Вклейка в конце книги.*)

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0121-7

В книге в контексте средневековой культуры и конкретных исторических обстоятельств рассматриваются первоначальные древнерусские повествования о чудотворной иконе Богоматери «Тихвинской» с точки зрения их литературной судьбы, идейно-художественной специфики и соотносённости с комплексом авторских религиозных, политических, эстетических представлений. В традициях отечественной историко-филологической науки монография представляет собой не только исследование: в приложениях к последнему опубликованы наиболее важные для формирования всего предания о святыне тексты, а также родственный им в жанровом отношении текст «Повести о святогорских иконах». Труд продолжает едва начатое отечественной медиевистикой изучение древнерусских сказаний об иконах и предназначается для историков, филологов, искусствоведов и всех, кому интересна жизнь древнерусского общества.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использованы
Икона Богоматери «Тихвинская» и вид Тихвинского Успенского монастыря.
Использованный в книге иллюстративный материал частично сопровождал
статью автора «Светопреемная свеча и чудеса сокровище...»
(Россия православная. 2004. № 4. С. 11—40)*

ISBN 5-9551-0121-7

© Кириллин В. М., 2007
© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
Глава I. Текстологическое исследование ранних редакций «Сказания о Тихвинской Одигитрии»	
§ 1. Вводные замечания	30
§ 2. Редакция А	35
§ 3. Редакция Б	40
§ 4. Структурно-репрезентативные особенности редакции Б и время ее возникновения	44
§ 5. Идеино-художественная специфика первых литературных версий предания о Тихвинской святыне	46
§ 6. Повествовательно-стилистическая специфика первых редакций «Сказания и Тихвинской иконе» как показатель литературных вкусов и тенденций в древнерусской книжности	54
§ 7. Реплика на две новейшие гипотезы относительно первоначальной истории «Сказания о Тихвинской Одигитрии»	65
Глава II. Предание о Тихвинской иконе в общественно-политической жизни Руси конца XV — начала XVI века ...	75
Глава III. Хронология событий в «Сказании о Тихвинской Одигитрии» как предмет семантической экзегезы	107
Глава IV. Книжное бытование памятника до начала XVII столетия	
§ 1. Редакция В	146
§ 2. Редакция Г	151
§ 3. Редакция Д	159
§ 4. Редакция Е	172

§ 5. Редакция Ж	191
§ 6. Редакция З	194
Глава V. «Сказание о Тихвинской Одигитрии» в контексте официальной идеологии Русской Церкви и Московского государства в XVI веке.	201
Глава VI. Жанровая специфика «Сказания о Тихвинской Одигитрии»	221
Вместо заключения.	231
Приложение I. «Сказание о Тихвинской Одигитрии»	
1. Редакция А.	238
2. Редакция Б.	242
3. Редакция Е.	245
Приложение II. Единичные варианты «Сказания о Тихвинской Одигитрии»	
4. «Сказание» по списку РГБ, ф. 310, № 592	259
5. «Сказание» по списку РГАДА, ф. 381, оп. I, № 412	265
Приложение III. «Повесть о святогорских иконах»	269
Указатель имен и наименований	292
Список условных сокращений	309

...Ѣй, тако солнце весь миръ просвѣщает,
такъ твои образъ всю Русь wzаряет
лучесы чудес и даровъ премногихъ,
проявляемыхъ на людехъ ѹбогихъ!
Просвѣщаются здѣ слѣпымъ очеса,
отверзаются и глухимъ ѹшеса,
многажды языкъ нѣмыи разрѣшися,
не единъ хромецъ въ ногахъ оутвердися,
разславленіи здѣ ся оукрѣпляютъ,
изумленіи оумъ воспринимаютъ,
вѣснии отъ дѹхъ скверныхъ свобожденни,
разно волни скоро истребленни,
а в нашествіи противныхъ варяговъ,
образу сему неистовыхъ враговъ,
коль чудесъ много изволи явити,
всякъ прочитаяи бѹдетъ ся дивити!
Не токмо сѣмо людемъ приходящимъ,
но и в далекихъ странахъ отстоящимъ
велія милость ея даровася,
егда кто ити сюдѹ обѣщася...

Симеон Полоцкий
(цит. по автографу,
хранящемуся в ГИМ,
Син. собр., № 542, л. 182)

ВВЕДЕНИЕ

В книжном наследии Древней Руси до сих пор довольно мало и плохо исследован целый ряд жанровых форм литературного творчества — таких, например, как гимнография, сказания о монастырях, о почитаемых рукотворных предметах. Среди последних заметно выделяется группа повествований о чудотворных иконах, вообще распространенная в средневековых европейских литературах. Еще академик Д. С. Лихачев обратил в свое время серьезное внимание на актуальность и научную значимость ее изучения¹. Относящиеся к указанной группе тексты были весьма популярны среди древнерусских книжников (особенно поздней поры — XVI—XVII вв.), о чем можно судить по знаменитой картотеке Н. К. Никольского, в алфавитном списке которой содержится 1158 карточек одних только русских, оригинальных, сказаний об иконах (это, таким образом, третье место после житий — 8025 карточек, и летописей — 1211 карточек)². Из них подавляющее большинство представлены сказаниями об иконах Пресвятой Богоматери. Однако в отечественной медиевистике существует пока, к сожалению, немного посвященных таковым специальных историко-филологических исследований³. Более того, определенным образом Запад нас

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. С. 66.

² Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М., 1970. С. 153.

³ Шмидт С. О. Из истории монастырской колонизации XVII в.: (Повесть о начале Оранского монастыря) // Вопросы истории религии и атеизма: Сб. ст. М., 1964. Т. 12. С. 297—309; Он же. Сказания об Афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 355—363; Ромодановская Е. К. Сибирские повести об иконах (XVII — нач. XVIII в.) // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 82—96; Гребенюк В. П. Повесть

определил. Так, еще в 1990 г. немецкий исследователь Андреас Эббингхаус опубликовал монографию, обобщив в ней известные материалы о чтимых на Руси богородичных иконах⁴, а вслед за ним очень скоро его же соотечественник Иван Бентчев издал весьма полную библиографию на ту же тему⁵. В последнее время, правда, в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (СККДР⁶) опубликованы статьи справочного характера, в какой-то мере восполняющие упущения современной науки и содержащие необходимые исходные сведения о произведениях, повествующих о чтимых древнерусских иконах — Абалацкой⁷, Ватопедской⁸, Владимирской⁹, Выдропусской¹⁰,

о Темир-Аксаке и его литературная судьба в XVI—XVII веках // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М., 1971. С. 185—206; *Он же*. Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997; *Турилов А. А.* Малоизвестные памятники ярославской литературы XIV — нач. XVIII в. (Сказания о ярославских иконах) // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 168—174; *Он же*. Сказания о чудотворных иконах в контексте истории их почитания на Руси // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира: Тезисы и материалы научной конференции. М., 2000. С. 64—67; *Журова Л. И.* Из литературной истории повести о Луке Колочском // Источниковедение литературы Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1980. С. 143—154; *Жучкова И. Л.* Повесть о Темир-Аксаке в составе летописных сводов XV—XVI вв.: (редакция Б) // Древняя русская литература: источниковедение / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1984. С. 97—109; *Она же*. Повесть о Темир-Аксаке Типографской летописи: (К вопросу о первоначальных редакциях произведения) // Литература Древней Руси. Источниковедение / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. С. 82—95.

⁴ *Ebbinghaus A.* Die altrussischen Marienikonen-Legenen. Berlin, 1990 (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts /Slavisches Seminar/ an der Freien Universität Berlin. Bd. 70).

⁵ *Bentchev I.* Bibliographie der Gottesmutterikonen. Bonn, 1992.

⁶ Все последующие сокращенные наименования книг приведены по этому изданию.

⁷ *Ромодановская Е. К.* Есипов Савва // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А—З. СПб., 1992. С. 315, 317.

⁸ *Буланин Д. М.* Повесть о Ватопедском монастыре // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2: Л—Я. Л., 1989. С. 227—230.

⁹ *Жучкова И. Л.* 1) Сказание о чудесах Владимирской иконы Богоматери // СККДР. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 416—418; 2) Сказание о иконе Богоматери Владимирской // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 360—362.

¹⁰ *Буланин Д. М.* Токмаков Георгий Иванович // Там же. С. 431—432.

Гребневской¹¹, Иверской¹², Колочской¹³, Курской-Коренной¹⁴, Оранской¹⁵, Святогорских¹⁶, Страстной¹⁷, Тихвинской¹⁸, Толгской¹⁹, Федоровской²⁰, Шуйской²¹ и др. Так что фундамент для дальнейшего развития означенной сферы знания вполне подготовлен.

Причины отмеченной выше высокой популярности сказаний о богородичных иконах в общем ясны. Ведь с самых апостольских времен православные христиане поклоняются Пресвятой Владычице и Приснодеве Марии как Избраннице Бога Отца, как той, в которой соитием Святого Духа вселился Бог Сын, от которой родился в мир Господь Спаситель и совершенный Человек Иисус Христос, заботами которой Он возрел и о которой сам затем явил пречечную заботу в своем последнем воздыхании на Кресте, которая, наконец, и в дивном Успении своем стала по благодатной близости к Богу превыше Херувимов и преславнее Серафимов. Уже первые последователи Благовестителя почитали Его Пренепорочную Матерь своей небесной помощницей, покро-

¹¹ Романова А. А. Сказание о иконе Богоматери Гребневской // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т—Я. СПб., 2004. С. 561.

¹² Буланин Д. М. Сказание о иконе Богоматери Иверской // Там же. Вып. 2. Ч. 2. С. 362—365.

¹³ Журова Л. И. Сказание о Луке Колочком // Там же. С. 246—248.

¹⁴ Буланин Д. М. Сказание о иконе Богоматери Курской // Там же. Вып. 3. Ч. 4. С. 572—576.

¹⁵ Охотина Н. А. Сказание о иконе Богоматери Оранской // Там же. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П—С. СПб., 1998. С. 394—399.

¹⁶ Охотникова В. И. Повесть о явлении Святогорских икон // Там же. Вып. 2. Ч. 2. С. 293—294.

¹⁷ Буланин Д. М. Сказание о иконе Богоматери Страстной // Там же. Вып. 3. Ч. 4. С. 593—595.

¹⁸ Дмитриева Р. П. Сказание о иконе Богоматери Тихвинской // Там же. Вып. 2. Ч. 2. С. 365—367.

¹⁹ Каган М. Д., Турилов А. А. Сказание о иконе Богоматери Толгской // Там же. Вып. 3. Ч. 3. С. 400—407.

²⁰ Каган М. Д. Сказание о иконе Богоматери Федоровской // Там же. С. 407—412.

²¹ Буланин Д. М. Сказание о иконе Богоматери Шуйской // СККДР. Вып. 3. Ч. 4. С. 600—603.

вительницей христиан и заступницей за все человечество перед Праведным Судией²².

Память о Пречистой Богородице, помимо новозаветных текстов, увековечена разнообразно. В многочисленных историографических и апокрифических сочинениях был осмыслен ее жизненный путь и посмертное служение; в богословских трактатах, соборных определениях, поэтических речах, молитвенных, стихословных или песенных гимнах были выработаны и сформулированы разные аспекты учения Церкви о ней. В ее честь установлены значимые для христианской жизни праздники, во имя ее освящены многие храмы, ее облик запечатлен на бесчисленных иконах, многие из которых прославились как чудотворные. И очевидно, что это сопряжено не только с тем духовным значением, которое придается Приснодеве Марии в религиозной жизни христиан, но и с тем необыкновенно ярким впечатлением от ее личности, которое вызывала Она у видевших и знавших ее современников. Согласно церковному преданию, об исходившей от нее необыкновенной духовной силе весьма восторженно отзывался еще святой Дионисий Ареопагит († 96 г., 3 октября)²³, позднее — святой Григорий Неокесарийский († ок. 266—270 г., 17 ноября)²⁴, святой Амвросий Медиоланский († 397 г., 7 декабря)²⁵, святой Иоанн Дамаскин († ок. 780 г., 4 декабря)²⁶ и многие другие отцы Церкви.

Их благоговейным характеристикам вполне соответствует словесный портрет Молитвенницы и Заступницы за род христианский, составленный, правда, лишь в XIV столетии Константинопольским патриархом Никифором Ксанфопулом (Каллистом): «Во всех ве-

²² Сказания о земной жизни пресвятой Богородицы. 2-е изд. СПб., 1870. С. 1—10; Платон (Игумнов), архим. Почитание Божией Матери // О вере и нравственности по учению Православной Церкви. М.: Изд. Московской Патриархии, 1991. С. 269—272; Помазанский М., протопресв. Православное догматическое богословие. В сжатом виде (поправленное и пополненное автором в 1981 г.). St. Herman of Alaska brotherhood press, 1992. С. 136—138; Иоанн (Максимович), архиеп. Православное почитание Божией Матери. Вильмуассон; СПб., 1992; Дебольский Г., прот. Дни богослужения Православной католической восточной Церкви. Б. м., 2002. С. 92—95.

²³ Сказания о земной жизни пресвятой Богородицы. С. 217.

²⁴ Там же. С. 247.

²⁵ Там же. С. 247—248.

²⁶ Там же. С. 247.

цах, — писал он, — Она была честна, говорила немного и необходимое; была внимательна и приветлива, всем честь и почитание воздавала. Роста была среднего, а, по словам некоторых, несколько больше среднего. Свободою пристойного слова в отношении ко всякому человеку пользовалась без смеха, без смущения и особенно без гнева. Лицо ее было пшеничного цвета, волосом светлоруса, живые глаза со зрачками как бы оливкового цвета. Брови имела крутые и изрядно черные, нос довольно длинный, губы розовые, полные приятности во время разговора; лицо не круглое, но слегка продолговатое, руки и персты длинные. Она была скромна, не притворна, не предавалась изнеженности, предпочитала смирение. Одежды естественных цветов с любовью носила, о чем и донныне свидетельствует священное главы ее покрывало. Вообще сказать, во всех делах ее присутствовала великая божественная благодать»²⁷.

По преданию Церкви, собственно иконография Пресвятой Богородицы, соответственно ее почитанию, также восходит к апостольским временам. Однако совсем ранние иконографические подтверждения этому, к сожалению, отсутствуют. Древнейшими среди них, сохранившимися до нашего времени, считаются фрески из Римских катакомб, посвященные историческим сюжетам: рождению Иисуса Христа и поклонению волхвов. Самые смелые ученые датируют их рубежом II—III вв.²⁸ Лишь к IV—V столетиям относятся наиболее ранние лицевые изображения Пречистой Девы Марии в функции моленных икон²⁹: поясные, в рост и с Превечным Младенцем на руках — прототипы распространившихся позднее в Византии и славяно-русском мире образов Богородицы Оранты (Молящаяся), Одигитрии (Путеводительница), Элеусы (Умиление).

Предание о возникновении изображений Матери Божией в апостольское время подтверждается и литературными свидетельствами, правда, тоже относительно поздними. В частности, создание нескольких таких прижизненных портретов приписывали святому евангелисту и апостолу Луке³⁰. Увидев один из них, Пренепорочная

²⁷ Цит. по кн.: Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургии. СПб.: Сатисъ, 1995. С. 202—203.

²⁸ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. 1. СПб., 1914. С. 19; Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургии. С. 197—201.

²⁹ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. 1. С. 153, 156.

³⁰ Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. Изд-во Западно-

Дева будто бы, вспомнив свое прежнее пророчество, сказала: «**Отныне убожатъ ма вси роди!**», — и затем добавила оставшееся в веках благословение: «**Благодать маъ съ сею иконою да бѹдетъ!**»³¹ Вообще благочестивая вера христиан связала с художественными трудами Луки немало чудотворных икон Богородицы. Таковые почитались в Палестине, Греции, на Кипре, в Италии, Испании, Польше, Грузии, Болгарии, Сербии и, конечно же, в России. Однако, хотя традиция приписывать апостолу от семидесяти тот или иной образ Приснодевы Марии была весьма широко распространена в христианском мире, самое раннее документальное известие на эту тему относится, согласно средневековым представлениям, только к VI в. и принадлежит византийскому историку Феодору Чтецу († ок. 530 г.). Последний будто бы утверждал в своей церковной истории, что в середине V в. (вероятно, в 453 г.) в Константинополь из Иерусалима вдовой императора Феодосия Младшего Евдокией к императрице Пульхерии была прислана чтимая икона Пресвятой Богоматери с Младенцем письма евангелиста Луки³² и затем помещена в церкви «Одигон» (греч. τὼν ὀδηγῶν — церковь проводников, поводырей) и названа «Одигитрией» — в воспоминание о прозрении перед ней двух слепцов, чудесно приведенных к ней самой Девой Марией, а также «Влахернской», или «Влахернитиссой», поскольку указанный храм располагался в константинопольском районе «Влахерны». Этот образ был чтим в Византии в течение всего существования государства, причем как святыня чудотворная, исключительно значимая и в религиозной, и в политической жизни страны. Правда, справедливости ради следует указать, что в Византии под наименованием «Влахернитиссы» было известно

Европейского экзархата; Московский Патриархат, 1989. С. 28.

³¹ «О чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, нарицаемой Одигитрия // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 10. 2-е изд. М., 1913. С. 594.

³² Сийский иконописный подлинник / Изд. подгот. Н. В. Покровский // ПДП. Т. CVIII, вып. 2. М.: ОЛДП, 1896. С. 53; Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике. С. 204. Это самое раннее свидетельство, однако, теперь признается поздней вставкой, относящейся, видимо, к рубежу XI—XII веков (Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. 2. Пг., 1915. С. 154; Шалина И. А. Богоматерь Эфесская-Полоцкая-Корсунская-Торопецкая: исторические имена и архетип чудотворной иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Мартис, 1996. С. 202 и 226, примеч. 13).

несколько связанных с Влахернским храмом чтимых моленных образов Богоматери, причем разных иконографических типов, так что вовсе не исключен контаминированный характер предания о Влахернской «Одигитрии»³³. Но как бы то ни было, согласно вере «ромеев» в личное покровительство Пречистой Матери Божией над Константинополем и Византией в целом³⁴, с какой-то из святынь под таким названием связаны были важнейшие церковные обряды и дворцовые церемониалы. По молитве перед ней византийская столица была чудесно ограждена от захвата аваро-персидскими варварами в 626 г., и в память об этом избавлении утвердился и до сих пор совершается праздник Похвалы Богородице с пением акафиста в пятую субботу Великого поста³⁵. Заступлением «Одигитрии» византийская столица еще дважды — в 662 и в 866 гг. — спасалась от нашествия иноплеменных и иноверных³⁶. Этот овечный славой образ чудесно пережил смуту иконоборческой эпохи (726—842 гг.) и тяготу католического владычества в Константинополе (1204—1261 гг.), но, к сожалению, после XIV столетия известия о нем исчезают и дальнейшая его судьба неведома. В старину рассказывали, что после взятия Константинополя турками в 1453 г. он был отправлен на Афон, а ровно два столетия спустя прислан в Россию в качестве дара царю Алексею Михайловичу³⁷. Но какую бы при этом святыню ни подразумевать, очевидно, что извест-

³³ *Этингоф О. Е.* Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI—XIII вв. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 129—130 [глава V: К ранней истории иконы «Владимирская Богоматерь» и традиции влахернского богородичного культа на Руси в XI—XIII вв.].

³⁴ *Сахаров В.* Апокрифические и легендарные сказания о пресвятой Деве Марии, особенно распространенные в Древней Руси // Христианское чтение. СПб., 1888. № 11—12. С. 649; Повесть о храме Богородицы, именуемом Одигон / Пер., предисл. и коммент. А. М. Крюкова // Чудотворная икона в Византии и древней Руси. С. 464; *Этингоф О. Е.* Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI—XIII вв. С. 5 [Предисловие].

³⁵ «О чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, нарицаемой Одигитрия» // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 10. С. 598.

³⁶ Сказания о земной жизни пресвятой Богородицы. С. 261—263; *Дебольский Г., прот.* Дни богослужения Православной католической восточной Церкви. С. 656.

³⁷ *Сахаров В.* Апокрифические и легендарные сказания о пресвятой Деве Марии. С. 649.

ная под именем «Влахернской» чудотворная «Одигитрия» в продолжение всего ее длительного почитания послужила прототипом для многочисленных изображений Пресвятой Богородицы с Превечным Младенцем на руках.

Предание Церкви хранит память о еще одном прижизненном образе Божией Матери. Он прославился в Святой Земле, в городе Лиде, в храме, построенном святыми апостолами Петром и Иоанном в честь Приснодевы: по ее обетованию этот образ «самосписался» на одном из церковных каменных столбов. Рассказывали, что благословенный затем лично Пречистой Царицей, он почитался в Палестине как чудотворный в течение нескольких веков. В VIII столетии по повелению Константинопольского патриарха Германа с этого нерукотворенного образа был сделан список, который очень скоро сам прославился дивными деяниями. В эпоху гонений на иконы при византийском императоре Льве Исавре святитель Герман († 740 г., 12 мая), боясь за него, отправил его к святому папе Римскому Григорию II (715—731 гг.), твердому защитнику иконопочитания. В Риме список с Лиддского образа пребывал в соборе святого первоверховного апостола Петра более столетия. Когда иконоборчество в Византии было окончательно побеждено, он чудесно оставил гостеприимный город и был обретен в Константинополе. Святитель Мефодий, патриарх Константинопольский († 847 г., 14 июня) торжественно перенес его в Халкопратийскую церковь Пресвятой Богородицы, и здесь за чудотворной святыней закрепилось название «Римской»³⁸. Этот образ Приснодевы с Превечным ее Сыном также широко распространился затем в бесчисленном количестве списков.

³⁸ «О чудотворной иконе Пресвятой Богородицы Лиддской или Римской» // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 10. С. 599—608. В более пространным виде церковнославянский текст данного «Сказания» опубликован в кн.: Сборник из 71 слова. М.: Печатный двор, 1647. 2^о. Л. 338 об. — 359. Один из наиболее ранних рукописных церковнославянских текстов в ркп.: РГБ, ф. 188 (собор. Троице-Сергиевой лавры), № 167 (1673), «Иоанна Лествичника и Аввы Дорорея книги с прибавлениями», 4^о, полуустав, 1423 г. Л. 478 об. — 498. Греческий оригинал «Сказания» опубликован в кн.: Petri Lambecii... Commentariorum de aug Bibliotheca caesarea Vindobonensi. Liber 8... quo continetur catalogus manuscritorum codicum graecorum historicorum ecclesiasticorum... Vindobonae [Wien]; Typis Matthei Cosmerovij, 1679. S. 325—337.

Вследствие близкого соседства Византийского государства с Древнерусским, по причине различных, издревле сложившихся контактов между двумя народами, в силу существования в Константинополе русского квартала, под воздействием значительного культурного влияния со стороны Византии русичи были достаточно хорошо знакомы с жизнью своих соседей. Столица империи, наполненная святынями и священными реликвиями, сама по себе служила объектом духовного вожделения, но, кроме того, через нее пролегал путь в Святую Землю и на Афон — удел Неискусобрачной Девы, согласно ряду сказаний о ее иконах, например, о Ватопедской³⁹, об Иверской — Портаиссе, или Вратарнице⁴⁰, о Троеручице⁴¹. От ромеев была воспринята христианская вера, знание, идеология, особенности церковного устройства, культурные ценности. Так, например, судя по древнерусским литературным источникам, на Руси хорошо были известны упомянутые выше чудотворные «Одигитрии» — Влахернская и Римская, равно как и другие чтимые в Византии богородичные образы. И вполне естественно, что на Русском обществе с вящей теплотой было воспринято убеждение в молитвенном и заступническом за род христианский предстоянии Пречистой Девы Марии перед Господом⁴². Именно отсюда проистекает в Русской земле особенное почитание Присноблаженной и Пренепорочной Царицы. Вертоградом многоценным распространяются по Руси посвященные ей храмы и монастыри — Рождественские, Введенские, Благовещенские, Успенские, Покровские. Жемчужными росами молитвенных воздыханий наполняют Русь святые лики Божией Матери. Сколько их, безвестных и прославленных, было и есть в Русской Церкви! Перед сколькими души верующих очищали себя чистой молитвою и получали чаемую помощь от Утешительницы скорбящих, Целительницы болящих, Надежды и Опоры просящих! По, ко-

³⁹ Сахаров В. Апокрифические и легендарные сказания о пресвятой Деве Марии. С. 649.

⁴⁰ Касаткин С. Праздники в честь чудотворных икон пресвятой Богородицы. М., 1905. С. 56—66.

⁴¹ Там же. С. 148—153.

⁴² Воронин Н. Н. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // ВВ. Т. 26. 1965. С. 192; Шапов Я. Н. Политические концепции о месте страны в мире и общественной мысли Руси XI—XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 161—165.

нечно же, неточному подсчету одних только чудотворных образов было явлено в России в разные времена более 460⁴³. Замечательно, что чудодейственная сила богородичных икон проявлялась обычно в особо критических для жизни руссичей обстоятельствах, не раз способствуя, по преданию, отражению нашествий иноплеменников: татар, поляков, шведов.

Одной из самых почитаемых в Русской Православной Церкви святынь, несомненно, является икона Пресвятой Богородицы «Одигитрия» Тихвинская⁴⁴. В общих чертах церковно-историческое предание о ней таково. Эта икона — один из древнейших образов Богоматери, созданных святым апостолом и евангелистом Лукой. На Руси она стала известна с конца XIV в., после того как якобы таинственно покинула столицу Византии Константинополь, ровно за 70 лет до его взятия турками, и объявилась в Новгородской земле, где в итоге неоднократно перенесения по воздуху из одного селения в другое окончательно остановилась у реки Тихвинки⁴⁵. В честь такого события местные жители построили здесь деревянную церковь Успения, при этом строительство сопровождалось чудесными знаменами и даже личным «явлением» Богородицы. При церкви образовался Пречистенский погост. Впоследствии Успенский храм трижды сгорал, но всякий раз хранившаяся в нем «Одигитрия» оставалась невредимой. В начале XVI в. великий князь Московский Василий Иванович приказал построить в тихвинском Пречистенском погосте, на месте сгоревшей церкви, каменный храм Успения Богоматери. Вероятно, после московского пожара 1547 г.

⁴³ Киселев А. Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории. М.: Русская книга, 1992. С. 23.

⁴⁴ Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы. История их и изображения / Сост. прот. И. Бухарев; Вступит. ст. Ю. Тюрина. М., 1994. С. 79—87; Касаткин С. Праздники в честь чудотворных икон Пресвятой Богородицы. С. 133—139; Киселев А. Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории. С. 48—49.

⁴⁵ Между прочим, когда в 1910 г. по распоряжению Иконописного Комитета при Святейшем Синоде производилась чистка Тихвинской святыни, реставратор Г. О. Чириков, сделав два шурфа, обнаружил на иконной доске действительно относившийся к XIV столетию древнейший живописный слой (Колесникова Л. А. Об истории реставрации чудотворной иконы Богоматери Тихвинской // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография — история — почитание: Науч. конф.: Тез. докл. / Гос. Русский музей; Тихвинский историко-мемор. и архитектурно-худож. музей; Свято-Успенский мужской монастырь. СПб., 2001. С. 27).

с тихвинской святыни был сделан список для Благовещенского собора Кремля⁴⁶, в 1551 г. на церковно-земском соборе в связи с рассмотрением вопроса о допустимости изображения на иконах живых людей царь Иван Васильевич поминал икону «**пречистыя Богородица образ в деянии, иже есть на Тихвине**»⁴⁷. А в 1560 г. по его распоряжению в Пречистенском погосте был устроен мужской монастырь. С этого времени местная святыня прославилась множеством полученных перед ней людьми чудесных исцелений. В 1613—1614 гг. Тихвинская Успенская обитель героически выдержала осаду оккупировавших Новгород и его окрестности шведских войск. Эта победа свершилась заступлением Богоматери, «явленная» икона которой хранилась в монастыре. В 1617 г. в деревне Столбово перед одной из копий с этой иконы был заключен мир между Россией и Швецией⁴⁸. Вот основная историческая канва предания о Тихвинской святыне. Как видно, с конца XIV в. слава об этой иконе неуклонно росла; множились подаваемые через нее Пречистой Заступницей благодеяния людям — болезным и несчастным, утесняемым и угнетенным⁴⁹; распространялись списки с чудотворного образа и сами прославлялись как чудотворные⁵⁰; воздвигались храмы в честь любимой святыни⁵¹; предание о ней наполнялось все новыми историческими подробностями.

⁴⁶ Мильчик М. И. Древнейшее изображение Успенского собора Большого Тихвинского монастыря // Проблемы развития русского искусства: Тематический сборник научных трудов Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Вып. 5. Л., 1973. С. 4.

⁴⁷ «Стоглав» // Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 304.

⁴⁸ «Явление чудотворной иконы Пресвятой Богородицы, нарицаемой Тихвинской» // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 10. С. 566—594. См. также церковнославянский текст «Сказания» в кн.: *Дмитрий Ростовский. Жития святых*. 7-е изд. М., 1796. Кн. 4: Июнь—август. Л. 168 об. — 177.

⁴⁹ Ильинский М. Сказание о чудотворной иконе Пресвятой Владычицы нашей Богородицы «Тихвинской» и о различных чудесах ее. Составлено по рукописи XVII столетия, хранящейся в Тихвинском монастыре. Киев, 1912.

⁵⁰ О чудотворно-явленной Тихвинской иконе Богоматери и о замечательных с нее списках. С литограф. изображением иконы. СПб., 1864.

⁵¹ Борин В. М. Древняя история Тихвинской иконы Богоматери и храмосоздательство в честь ее. М., 1902.

Соответственно, в древнерусской книжности весьма распространилось и «Сказание о Тихвинской Одигитрии». Произведение бытовало в огромном количестве весьма различающихся по составу и содержанию списков, что само по себе говорит о большой любви к нему русских книголюбцев. По существу, этот литературный памятник эпохи становления Русского централизованного государства, это историко-легендарное повествование о начале города Тихвина и о его патрональной святыне — «чудотворной» иконе Богоматери — является одним из наиболее типичных и характерных в жанровом отношении древнерусских литературных повествований о богородичных чудотворных иконах. Вот почему настоящая монография посвящена изучению именно данного произведения. Необходимость в такой работе обуславливается, кроме того, во-первых, отмеченной выше малой степенью научного освоения древнерусских повествований о чудотворных иконах, во-вторых, жанровой типичностью и популярностью собственно «Сказания о Тихвинской Одигитрии», в-третьих, огромным интересом к иконографической истории Тихвинского образа Богоматери со стороны специалистов по древнерусскому изобразительному искусству; наконец, живейшим пробуждением духовного внимания к святыне в современном русском обществе в связи с ее возвращением в Россию из США в июне 2004 г. после 60-летнего отсутствия.

Очевидно, что наряду, например, с текстологическими целями историку литературы надлежит также стремиться к тому, чтобы в каждом конкретном случае раскрыть реальный смысл содержания анализируемого произведения, понять тот комплекс идейно-художественных представлений, под влиянием которых оно было создано и затем воспринималось, определить его культурно-историческое значение в контексте эпохи и место в процессе общего литературного развития.

Именно в рамках указанной проблематики и исследуется в данной книге «Сказание о Тихвинской Одигитрии».

В научный оборот означенный памятник древней русской литературы введен еще в XIX столетии. Одним из его первых интерпретаторов был выдающийся русский славист, филолог и искусствовед, академик Ф. И. Буслаев. Он рассматривал произведение в свете притязаний Новгорода (утратившего к XVI в. былую политическую независимость) на приоритет в административно-иерархической структуре русской Церкви сравнительно с другими епархиями мо-

сковской митрополии, а также в области идеологической — отражающей общее состояние (достигнутый уровень) и развитие (пути и тенденции) духовной жизни русского народа. Именно поэтому «Сказание о Тихвинской Одигитрии» анализировалось исследователем в одном ряду с такими проновгородскими произведениями, как «Видение пономаря Тарасия» и «Сказание о новгородском белом клубуке». Ф. И. Буслаев пришел к выводу, что собственно литературный текст предания о Тихвинской иконе возник в начале XVI в., его составление было инспирировано архиепископом новгородским Серапионом (1506—1509 гг.), стремившимся утвердить культ местной новгородской святыни — почитаемого в Пречистенском погосте богородичного образа Одигитрии; идейное содержание этого литературного памятника изначально было проновгородским, претензии Новгорода на «духовное превосходство» по отношению к Москве нашли выражение в проводимом в «Сказании» отождествлении Тихвинской иконы с римско-константинопольской святыней — иконой «Римляныней», или «Лиддской»⁵².

Изложенная точка зрения на литературную историю памятника закрепились в медиевистике. В современной исторической и литературоведческой науке она в целом сохраняется без изменений по сей день и воспроизводится в курсах истории древней русской литературы⁵³, хотя никто из русских и советских ученых после Ф. И. Буслаева не занимался специально ни выявлением всех во множестве сохранившихся списков памятника, ни прояснением на основании их конкретного сравнительно-сопоставительного анализа истории его текста. Правда, в советское время к легенде обращались отечественные ученые К. Н. Сербина⁵⁴, И. А. Иванова⁵⁵,

⁵² Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. СПб., 1861. С. 269—278; *Он же*. Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001. С. 225—233.

⁵³ Гудзий Н. К. Истории древней русской литературы. 3-е изд. М., 1945. С. 279—280; История русской литературы: В 10 т. Т. 2, ч. 1: Литература 1220-х — 1580-х гг. М.; Л., 1945. С. 389; Кусков В. В. История древнерусской литературы. 4-е изд. М., 1982. С. 167.

⁵⁴ Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.; Л., 1951.

⁵⁵ Иванова И. А. 1) Икона Тихвинской Богоматери // ТОДРЛ. Т. 22. 1966. С. 419—436; 2) Летописные сведения об иконе «Богоматерь Тихвинская» // ТОДРЛ. Т. 24. 1969. С. 242—244.

М. И. Мильчик⁵⁶, Г. В. Попов⁵⁷, а также финская исследовательница А. Яскинен⁵⁸. Были даже введены в научный оборот некоторые новые списки «Сказания о Тихвинской Одигитрии». Однако в своих работах названные специалисты придерживались в целом вышеизложенной интерпретации, используя означенный памятник литературы, к сожалению, лишь как источник для знаний в области социально-экономической истории, искусствоведения и истории русской архитектуры.

Наиболее обстоятельно литературную историю «Сказания» исследовали И. А. Иванова и А. Яскинен.

И. А. Иванова — на основании имеющихся в Воскресенской и Никоновской летописях сообщений о явлении иконы на реке Тихвинке в 1383 г., двух известных ей списков произведения XVI в. и нескольких списков XVII в. — попыталась конкретизировать первоначальную историю литературного памятника и процесс развития его сюжетно-повествовательной структуры. Она выдвинула предположение, что летописная запись о явлении иконы могла возникнуть в период между 1390 и 1395 годами, то есть была составлена до построения в Тихвинском Пречистенском погосте третьей деревянной церкви. Исследовательница связывает появление этой записи «с усилившимся во второй половине XIV в. интересом к иконам Богородицы Одигитрии, которые получают большое распространение и по-своему осмысляются иконописцами»⁵⁹, а также высказывает догадку, что «сам акт явления образа “Одигитрия” в Обонежской пятине» и затем в Тихвине был «связан именно» с приездом в Новгород в 1382 г. суздальского епископа Дионисия, доставившего сюда благословение и грамоты константинопольского патриарха Нила. По мнению И. А. Ивановой, летописные

⁵⁶ Мильчик М. И. 1) Древнейшее изображение Успенского собора большого Тихвинского монастыря // Проблемы развития русского искусства: Темат. сб. науч. тр. Ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Вып. 5. Л., 1973. С. 3—10; 2) Успенский монастырь на миниатюрах рукописей «Сказания об иконе Тихвинской Богоматери» // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1979. Л., 1980. С. 243—255.

⁵⁷ Попов Г. В. Художественная жизнь Дмитрова в XV—XVI вв. М., 1973. С. 123, 130, 131.

⁵⁸ Jääskinen A. The Icon of the Virgin of Tikhvin: A study of the Tikhvin monastery palladium in the hodegetria tradition. Helsinki, 1976.

⁵⁹ Иванова И. А. Летописные сведения об иконе «Богоматерь Тихвинская». С. 242.

сведения о Тихвинской иконе сохранялись в неизменном виде до начала XVI в., и лишь с 1506 г., при архиепископе новгородском Серапионе, им стали придавать иное значение. Летописная запись, полагает исследовательница, была переработана в «Сказание» после построения в Тихвине в 1507 г. каменной церкви и благодаря стремлению Серапиона «утвердить» культ Тихвинской святыни. Причем при разработке этого культа Серапион использовал «Сказание о Лиддской иконе», известное ему по списку XIV в., хранившемуся в Троице-Сергиевом монастыре, игуменом которого он был до поставления в 1506 г. на новгородскую кафедру⁶⁰. Считая самыми ранними списками «Сказания о Тихвинской Одигитрии» списки XVI в. из библиотеки Троицкой лавры (РГБ, ф. 304, № 188, л. 242—244)⁶¹ и из собрания В. М. Ундольского (РГБ, ф. 310, № 578, л. 141—148 об.), И. А. Иванова полагает, что они, соответственно, содержат и «раннюю» редакцию исследуемого памятника⁶². Сюжетно-повествовательная структура этой последней существенно отличается от структуры поздних редакций «Сказания» по спискам XVII в. Так, по мнению исследовательницы, эпизод перенесения церковного сруба с правого берега реки Тихвинки на левый «усложнен» лишь впоследствии, в XVII столетии⁶³; эпизод с видением Юрыша, где по ранним спискам «и намек нет на историю с железным крестом», в «Сказаниях» XVII в. начинает занимать центральное место⁶⁴; эпизод о чуде с мастером разработан только в поздних редакциях памятника. Отличия касаются и «предыстории явления иконы на Русь», то есть преданий, отождествляющих образ Тихвинской Богоматери с римскими и византийскими чтимыми святынями. Включение этих преданий в текст «Сказания» «становится обязательным со второй половины XVII в.»⁶⁵.

А. Яскинен в своей монографии также в целом придерживается концепции Ф. И. Буслаева. Однако иначе решает проблему

⁶⁰ Там же. С. 243.

⁶¹ По этому списку текст «Сказания» впервые был опубликован архимандритом Леонидом (Кавелиным): Сказание о Тихвинской Богоматери // Русский архив. М., 1881. Кн. 2. С. 15—16.

⁶² Иванова И. А. Икона Тихвинской Богоматери. С. 422.

⁶³ Там же. С. 425.

⁶⁴ Там же. С. 426.

⁶⁵ Там же. С. 429—430.

происхождения предания о Тихвинской иконе. По ее представлению история «Сказания» такова.

В 1383 г. для сына Дмитрия Донского князя Юрия Звенигородского «по обещанию» был написан иконописцем Игнатием Греком образ Богоматери «Одигитрии». Исследовательница допускает, что князь Юрий в одну из своих поездок в Новгород в начале XV в. мог оказаться в Тихвине, поскольку последний «находился в месте важных пересечений водных путей». Здесь, в знак княжеской благосклонности, он оставил подаренную ему когда-то икону, с тем чтобы она служила храмовым образом в Тихвинской церкви. Впоследствии имевшаяся на ней надпись Игнатия была уничтожена — либо при поновлении иконы, либо в результате действия огня. Когда о подарке князя Юрия в Тихвине забыли, «среди людей могла родиться легенда о сверхъестественном явлении иконы. Вера в эту легенду укреплялась приписываемыми ей чудесами, а чудеса, в свою очередь, способствовали повышению ее престижа и давали материал для оформления литературного текста»⁶⁶. С развитием культа Тихвинского образа он был интерпретирован в русском православии как воспринявший функции главной Константинопольской святыни — иконы Богоматери «Одигитрии». Его стали считать палестинским по происхождению, а литературную основу предания о нем нашли в Византийской письменности, в легенде о евангелисте Луке⁶⁷.

По мнению А. Яскинен, литературная обработка легенды о явлении Тихвинской иконы представляет собой «продукт церковно-политических тенденций эпохи», отражает «политику *translatio imperii*» (преемственности власти), связана с теорией «Москва — третий Рим», со стремлением России осуществлять после падения Константинополя в 1453 г. «миссию охранения и защиты православной веры». Несмотря на утрату независимости, Новгород «пытался бороться против этой централизации церковно-политических и духовных сил» с помощью «священного предания и иконографии». В начале XVI в. святитель Серапион, архиепископ новгородский, включась в идеологическую борьбу своего предшественника владыки Геннадия, «выступил как непреклонный противник великодержавных амбиций Москвы.

⁶⁶ Jääskinen A. The Icon of the Virgin of Tikhvin. S. 41.

⁶⁷ Ibid. S. 46.

Он продолжил развитие доказательств идеи *translatio imperii*»⁶⁸. Конкретным проявлением такой политики А. Яскинен считает посещение Серапионом Тихвина с целью благословения заложенной здесь новой кирпичной церкви, служащей в качестве «Дома Тихвинской Богородицы»⁶⁹. Кроме того, Серапион «создал сказание о явлении последней», смешав «местные предания» о ней с заимствованным из «Сказания о Богоматери Лиддской» «материалом по теории *translatio imperii*». Что же касается даты явления Тихвинской Одигитрии (в 1383 г.), то она, по мнению исследовательницы, «сохранялась в памяти людей» и восходила к имевшейся когда-то на иконе записи⁷⁰.

Таковы выводы И. А. Ивановой и А. Яскинен, — как очевидно, дополняющие друг друга и в целом конкретизирующие литературную историю «Тихвинской легенды». Однако, сколь они ни обстоятельны, их все же трудно признать достаточными, бесспорными и окончательными.

Во-первых, потому, что данные построения опираются на созданную более ста лет тому назад концепцию Ф. И. Буслаева, которая, как выяснилось, не имела под собой прочного источниковедческого и текстологического основания и возникла в результате изучения ограниченного числа списков «Сказания о явлении иконы Богоматери Тихвинской», составленных в XVII в. и содержащих пространные тексты. А между тем собственно рукописная традиция памятника весьма продолжительна и прослеживается с XVI в.

Во-вторых, хотя адептами Ф. И. Буслаева и были введены в научный оборот некоторые новые списки «Сказания», но все же вопросы происхождения, идейно-функциональной направленности, особенностей бытования памятника, его места и значения в составе древней русской литературы вряд ли можно считать до конца проясненными, поскольку ни один из списков произведения не был специально рассмотрен как литературно-историческое явление, как феномен письменной культуры средневековой Руси; не проведен даже поверхностный сравнительно-сопоставительный анализ известных списков, не выявлены редакции памятника, не обозначены этапы движения его текста; не получили достаточного освещения

⁶⁸ Ibid. S. 48.

⁶⁹ Ibid. S. 48—49.

⁷⁰ Ibid. S. 49.

и такие проблемы, как идейно-стилистические особенности произведения, а также его типологическое и жанровое своеобразие.

Наконец, некоторые моменты традиционной научной интерпретации «Сказания о Тихвинской Одигитрии» уже подвергались сомнению. Так, в 1925 г. тихвинский краевед И. П. Мордвинов, оспаривая мнение Ф. И. Буслаева, утверждал, что рассказы, отождествляющие Тихвинскую икону с римскими и византийскими святынями, в которых последний усматривал обоснование «духовного превосходства» Новгорода над Москвой, являются не «остатком новгородских идей», а «поздним московским наносом»⁷¹ и возникли в XVII столетии, когда «книжники пытались уяснить себе, откуда взялась икона, а монастырь [Тихвинский. — В. К.] поощрял крайности их домыслов, нарочито превознося значение своей святыни»⁷². Кроме того, И. П. Мордвинов высказал предположение, что известная летописная запись под 1383 г. была «сделана позже, в XV—XVI вв., тихвинцем или по рассказу тихвинца»⁷³. К сожалению, он не подкрепил свои соображения конкретным литературно-историческим материалом. Но все-таки его мнение не стоит оставлять без внимания. Ведь это первая и притом, как подтверждается следующим ниже изложением, небезосновательная критика концепции Ф. И. Буслаева.

Итак, историко-филологический анализ «Сказания» представляется совершенно необходимым. Возможно, исследование этого интересного произведения, возникшего в переломную — сложную и противоречивую — эпоху истории средневековой Руси, в период объединения вокруг Москвы русских земель и складывания русской государственности нового типа, в период ожесточенных внутренних идейно-политических и религиозных столкновений,

⁷¹ Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье: Исторический очерк. Тихвин, 1925. С. 6. См. также: Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. Исторические очерки. На основании издания Тихвинского Успенского монастыря 1925 года. С дополнениями. Тихвин; СПб.: Икар, 1999. С. 14.

⁷² Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье: Исторический очерк. С. 5; Он же. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. Исторические очерки. С. 14.

⁷³ Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье: Исторический очерк. С. 3; Он же. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. Исторические очерки. С. 46 (примеч. № 9).

поможет по-новому осветить некоторые стороны общественной и культурной жизни Руси XVI столетия.

Действительно, «Сказание о Тихвинской Одигитрии» представляет огромный интерес как исторический источник. Ведь в нем содержатся известия о реально живших когда-то людях, бытовые сцены, ярко характеризующие жизненный уклад и общественную психологию средневековой Руси, наконец, сведения по исторической географии и топонимии, по истории строительства и освоения новгородских земель. Кроме того, если судить по археографическим данным, «Сказание» уже в первой половине XVI в. было хорошо известно среди волоколамских книжников, причем в ранних своих редакциях. Но Волоколамский монастырь, как известно, с конца XV и в XVI столетии играл одну из главных ролей в общественной жизни России; в публицистической деятельности его насельников и единомышленников формировались основные положения идеологии централизованного государства⁷⁴. Отсюда закономерно возникает интерес к произведению как к историко-литературному факту. Спрашивается: что именно в этом памятнике местной новгородской литературы привлекало внимание волоколамских старцев, чем он был интересен им, каким образом они использовали его — только ли в частно-назидательных целях или как идеологическое оружие, имевшее более важное публицистическое назначение? Иначе говоря, какие же конкретно задачи выполняло «Сказание о Тихвинской Одигитрии» и как оно соотносилось с общим характером литературного процесса в XVI в.?

Выяснению этих вопросов и посвящено главным образом предлагаемое исследование. Его основу составили опубликованные мною в разное время статьи на тему литературной истории «Сказания»⁷⁵. Кроме того, сегодня уже вполне обоснованно

⁷⁴ Дмитриева Р. П. 1) Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв.: (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // ТОДРЛ. Т. 23. М.; Л., 1968. С. 143—170; 2) Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 202—230; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977.

⁷⁵ Кириллин В. М. 1) Текстологический анализ ранних редакций «Сказания о Тихвинской Одигитрии» // Литература Древней Руси. Источниковедение: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1988. С. 129—143; 2) Символика чисел в древнерусских сказаниях XVI в. // Естественнонаучные представления Древней Руси / Отв. ред. Р. А. Симонов. М.: Наука, 1988. С. 76—111; 3) «Сказание

можно говорить о научной «тихвиниане» как об отдельной и специальной области гуманитарного знания. Свидетельством тому является осуществленная в октябре 2001 г. международная научная конференция «Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: Иконография — История — Почитание», в которой участвовали богословы, историки, литературоведы, искусствоведы, реставраторы, археографы — ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Тихвина, Калуги, Пскова, Ярославля, Мурома, Рима, Хельсинки, Бонна, Кракова, Стокгольма. Их частные наблюдения и выводы во многом дополнили предпринятые мной историко-литературные изыскания, но при этом и обнаружили весьма острую нужду как в публикации главных литературных источников, составивших основу почитания чудотворной Тихвинской иконы Богоматери, так и очевидную потребность в научном обобщении всех предпринятых к настоящему времени трудов.

о Тихвинской Одигитрии» в общественно-политической и культурной жизни Руси конца XV — начала XVI века // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сб. 1: XI—XVI века / Отв. ред. А. С. Демин. М.: ИМЛИ РАН, 1989. С. 368—406; 4) Первоначальные редакции Сказания о Тихвинской Одигитрии // *Книжные центры Древней Руси. XI—XVI вв. Разные аспекты исследования* / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб.: Наука, 1991. С. 200—219; 5) Идея «преемственности власти» в древнерусской литературе о «чудотворных иконах» Богоматери // *Герменевтика древнерусской литературы X—XVI вв. Сб. 3* / Отв. ред. А. Н. Ужанков. М.: ИМЛИ РАН, 1992. С. 375—398; 6) Литературная судьба «Сказания о Тихвинской Одигитрии» до исхода XVI столетия // *Исследования книжных памятников. История. Филология. Источниковедение: Сб. науч. статей / Рос. гос. б-ка; Ред.-сост. Л. И. Илларионова; Науч. ред.: В. М. Кириллин, М. М. Панфилов. М., 2000. С. 71—108; 7) Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия» // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 1 (15): март. М., 2004. С. 102—120; 8) «Светоприемная свеча и чудес сокровище» икона Пренепорочной Матери Божией Тихвинская // *Россия православная*. № 4. М., 2004. С. 11—39.*